

О н е к о т о р ы х
о с о б е н н о с т я х
р е п р е з е н т а ц и и О с и п а
М а н д е л ь ш т а м а В
в о с п о м и н а н и я х А н н ы
А х м а т о в о й

Михайлова, Галина

О некоторых особенностях репрезентации Осипа
Мандельштама в воспоминаниях Анны Ахматовой

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477008>

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.8>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

О некоторых особенностях репрезентации Осипа Мандельштама в воспоминаниях Анны Ахматовой

On Some Features of Osip Mandelstam's Representation in
the Memories by Anna Akhmatova

Apie kai kuriuos Osipo Mandelštamo reprezentacijos
ypatumus Anos Achmatovos prisiminimuose

Галина Михайлова galina.michailova@flf.vu.lt
Кафедра русской филологии, Lithuania

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 10 Septiembre 2020
Aprobación: 25 Septiembre 2020

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.8>

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477008>

Резюме: В статье представлены некоторые соображения о мотивах создания и текстовых стратегиях воспоминаний Ахматовой о Мандельштаме. «Листки из дневника» рассматриваются с двух точек зрения: во-первых, как фрагмент мемуарной прозы Ахматовой определенного исторического времени, как актуализация личной памяти в целях корректировки коллективной культурной памяти; во-вторых, как сверхтекст, образованный многочисленными черновиками, списками и вариантами. В рамках этого жанрового образования можно выделить ряд принципов, которыми руководствуется Ахматова, создавая мемуарный текст: например, диалогический режим «собеседования» с имеющимися воспоминаниями, документами, устными свидетельствами; мифоборческая интенция и пр. Взгляд на «Листки из дневника» как на сюжетное прозаическое повествование (исходя из ахматовского определения воспоминаний как «новеллы»), названное «Смертный путь», позволяет вписать героя ее мемуарной прозы в ряд не чуждых Мандельштаму «проклятых поэтов».

Ключевые слова: Осип Мандельштам, «Листки из дневника», актуализация памяти, мифологизация, новелла, Верлен.

Abstract: The article presents some considerations on the motives for the creation and text strategies of Akhmatova's memories of Mandelstam. The *Pages from a Diary* are viewed from two points of view: first, as a fragment of Akhmatova's memoir prose of a certain historical time, as an actualization of personal memory in order to correct collective cultural memory; secondly, as a supertext formed by numerous drafts, lists and variations. Within the framework of this genre, it is possible to single out a number of principles that Akhmatova is guided by when creating a memoir text: for example, a dialogical mode of a "conversation" with existing memories, documents, oral evidence; intention of myth-fighting, etc. A look at the *Pages from a Diary* as a work of narrative prose (based on Akhmatova's definition of memories as a "short story"), called "The Death's Way," allows us to add the hero of her memoir to a number of "damned poets" that are not alien to Mandelstam.

Šį žanrinį darinį galima apibūdinti keletu principų, kuriais vadovaujasi Achmatova, kurdama memuarus apie Mandelštamą: pavyzdžiui, dialogo pobūdžio „pokalbis“ su esamais prisiminimais, dokumentais, žodiniais liudijimais; kovos su mitais intencija ir kt. Traktuojant „Lapelius iš dienoraščio“ kaip siužetinį prozos naratyvą (atsižvelgiant į Achmatovos pateiktą prisiminimų apibrėžimą kaip „novelę“), pavadintą „Mirties keliu“, jos memuarinės prozos herojus priskirtinas nesvetimiems Mandelštamui „prakeiktiems poetams“.

Keywords: Osip Mandelstam, Pages from a diary, actualization of memory, mythologization, short story, Verlaine.

Summary: Straipsnyje pateikiama keletas įžvalgų apie Achmatovos prisiminimų apie Mandelštamą kūrimo motyvus ir teksto strategijas. „Lapeliai iš dienoraščio“ (Listki iz dnevnika) nagrinėjami dviem aspektais: pirma, kaip tam tikro istorinio laiko Achmatovos memuarinės prozos fragmentas, kaip asmeninės atminties aktualizavimas siekiant pakoreguoti kolektyvinę kultūrinę atmintį; antra, kaip supertekstas, kurį sudaro daugybė juodraščių, sąrašų ir variantų.

Šį žanrinį darinį galima apibūdinti keletu principų, kuriais vadovaujasi Achmatova, kurdama memuarus apie Mandelštamą: pavyzdžiui, dialogo pobūdis „pokalbis“ su esamais prisiminimais, dokumentais, žodiniais liudijimais; kovos su mitais intencija ir kt. Traktuojant „Lapelius iš dienoraščio“ kaip siužetinį prozos naratyvą (atsižvelgiant į Achmatovos pateiktą prisiminimų apibrėžimą kaip „novelę“), pavadintą „Mirties keliu“, jos memuarinės prozos herojus priskirtinas nesvetimiams Mandelštamui „prakeiktiems poetams“.

На мемуарной прозе Анна Ахматова сосредоточилась в последние годы своей жизни – 1957–1965-е. Тексты почти всех ее воспоминаний с течением времени так или иначе менялись и дополнялись. Проза об Осипе Мандельштаме – в особенности. Как пишет Н. И. Крайнева, окончательного текста воспоминаний о Мандельштаме, «полностью отражающего последнюю авторскую волю, не существует. Имеется значительное количество рукописей и списков „Листков из дневника”¹, по которым можно составить некий компилятивный текст воспоминаний» (Крайнева 2016, 574). Исходя из этого, предметом рассмотрения в этой статье будет «контаминация» имеющихся публикаций ахматовской прозы о Мандельштаме – тех, которые были предложены М. М. Кралиным (Ахматова 1990), Н. И. Крайневой (Ахматова 2016) и С. А. Коваленко (Ахматова 2001). В заключительной части наших рассуждений мы вновь обратимся к проблеме целостности и завершенности ахматовского сверткста о Мандельштаме².

Поначалу сосредоточимся на внешних обстоятельствах и мотивах обращения Ахматовой к воспоминаниям о высоко ценимом ею поэте, соратнике по «цеху» и близком друге. Написанию мемуарных заметок сопутствует следующее: 28 февраля 1957 г. Ахматову утвердили членом комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама (Черных 2008, 511); в первой декаде мая 1957 г. она создает первый вариант стихотворения «Я над ними склонюсь, как над чашей...» с посвящением Мандельштаму, а 5 июля – его окончательную редакцию (там же, 512; 514). Параллельно Ахматова активно общается с вдовой поэта, Н. Я. Мандельштам³. Помимо понятного возрастного подведения жизненных итогов, «Листки из дневника» являют собой фрагмент актуализации памяти (касаемо личности и творчества Мандельштама), «передачи» его содержимого из прошлого в настоящее (конец 1950-х – первая половина 60-х гг.). Реалии этого времени многое определяют в фиксируемых на бумаге воспоминаниях, но и они, в свою очередь, оказывают влияние на настоящее, являются его частью. Воспоминания прорабатываются: способствуют уяснению, уточнению авторского понимания себя самой и «объекта»

мемуаров, а также содействуют формированию культурного фона настоящего времени и восприятию читателями Мандельштама в ахматовской интерпретации.

С этой точки зрения, «Листки из дневника» – это ахматовская лепта в копилку либерального официоза раннего периода оттепели. Ахматова сознает значимость своего «ментального архива» (М. Фуко) для новой истории культуры и литературы, которую, как кажется не ей одной, начинают реконструировать в послесталинскую эпоху⁴. В силу индивидуального эксклюзивного опыта и знания (личное долголетнее общение с Н. Гумилевым, Мандельштамом, М. Лозинским)⁵ и/или авторитета (знакомство и встречи с А. Блоком, В. Маяковским, С. Есениным, М. Булгаковым, М. Цветаевой)⁶ она становится одним из организаторов (желательного) присутствия этих лиц в современном ей культурном процессе и в массовом сознании. Осуществляемые или предполагаемые официальные издания «реабилитируемых» авторов⁷ либо писателей, чье наследие ранее подвергалось ревизии⁸, Ахматова дополняет (планирует дополнить) аутентичными свидетельствами – мемуарной прозой, сознавая, возможно, перевес «документа» в иерархии форм культурной памяти. В сентябре 1957 г. А. К. Чуковская фиксирует ахматовский внутренний императив: «Времени у меня осталось так мало <...>, что теперь мне **следует** писать только то, чего **кроме меня** никто не напишет» (Чуковская 1997:2, 260. Выделено мной. – Г.М.). Готовясь к исполнению долга перед Б. Пастернаком («Я знаю, что после Лозинского должна писать о Борисе» [Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 709. Запись от 7 февраля 1966 г.]), еще в сентябре 1961 г. Ахматова начала работу над очерком о нем. Момент **долженствования** мог вступать в противоречие с полемической оценкой внелитературной позиции (или сути художественного дарования?) героя воспоминаний: к примеру, к концу 1961 г. относится такая запись Ахматовой: «Я сейчас поняла в Паст<ернаке> самое страшное: он никогда ничего не вспоминает. Во всем цикле “Когда разгуляется” он, уже совсем старый человек, ни разу ничего не вспоминает: ни родных, ни любовь, ни юность» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 188). Но, в целом, полагать критерием отбора личное отношение Ахматовой к той или иной вспоминаемой или упоминаемой фигуре было бы неверным. Сила, скрепляющая в «Листках из дневника» воедино Мандельштама с Сергеем Городецким, «салоном Бриков»⁹ и Георгием Ивановым¹⁰, рождена желанием восстановить целостность и истинность литературной истории.

Итак, кого хотела коснуться Ахматова пером – и прозаическим, и поэтическим¹¹? Не просто деятелей некоего литературного ряда, но тех, кого объединяли схожесть творческой манеры и – важно – представления о принципах творческого и жизненного поведения. Так, ею ограничивалось число фигурантов определенного литературного сегмента внутри культурного пространства русской

литературы (уже – поэзии) первой половины XX в.: А. Блок, О. Мандельштам, М. Лозинский, Н. Гумилев, М. Цветаева, Б. Пастернак, царскосельские поэты И. Анненский и В. Комаровский (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 574), поэт, стиховед и переводчик, «служитель культа Гумилева» (Тименчик 2012, 322) Г. Шенгели (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 150).

Иное дело, что есть временные рамки ахматовского стремления создать и предать воспоминания гласности, и есть реальное время их оглашения (публикации), отодвинутое волей цензуры на несколько десятилетий вперед¹². Таким образом, обращенные в прошлое ахматовские воспоминания, релевантные для настоящего времени, ориентированы и на будущее: «Десятые годы – время очень важное в творческом пути Мандельштама, и об этом еще будут много думать и писать. (Виллон, Чаадаев, католичество...)» (Ахматова 1990, 157. Выделено мной. – Г.М.).

Вовлеченность (вольная или невольная) Ахматовой в подобное созидание литературного поля может стать критерием принадлежности ее мемуарных текстов «к полю манифестаций», а ее самой – «к полю позиций». Поэтому интерес представляет ахматовское понимание того, что есть мемуарная проза и/или какой она может/должна быть в конкретном социокультурном пространстве и времени. В «Записных книжках» Ахматова излагает свое представление о мемуарах, обращаясь к условному читателю своей биографической прозы:

Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи, следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать.

(Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 555)

Выделим в этой дефиниции, во-первых, суждение о степени достоверности мемуаров, во-вторых, убежденность автора в непредвиденности, непредсказуемости запоминаемого («память... как прожектор освещает отдельные моменты») и, в-третьих, понимание того, что потеря доступа к прошлому, стирание мнемических следов, то есть забвение в его этическом и социокультурном аспектах, является неизбежным процессом и условием восприятия нового, как об этом писали Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд: «можно и должно что-то забывать».

Что касается баланса между правдой и вымыслом («фальшивкой»), то «Листки из дневника» не случайно начинаются со вступительного замечания, датированного днем, близким ко дню рождения Михаила Лозинского (20.07.1886 – 31.01.1955) – 28 июля 1957 г.: «И смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею

вспоминать что-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале “Гиперборей” и т. д.)» (Ахматова 1990, 151. Выделено мной. – Г.М.). Это упоминание о недавней смерти современника выражает точку зрения некоего внутреннего цензора, контролирующего воспроизведение и возможное восприятие читателем излагаемой личной истины, а также степень ее точности. Речь идет о коллективной памяти и об историко-культурной достоверности создаваемого мемуарного текста, так как поэт, переводчик, теоретик стиха Лозинский был близким, преданным другом Гумилева, Мандельштама и самой Ахматовой, ведущим членом «Цеха поэтов», редактором ежемесячника «Гиперборей» и журнала «Аполлон», на квартире которого проходили собрания акмеистов. В феврале 1966 г. Ахматова завершила воспоминания о Лозинском на основании устного слова о нем, записанного на магнитофон для вечера его памяти на Ленинградском ТВ в мае 1965 г. Таким образом, в период написания «Листков из дневника» Ахматова могла доверять памяти только члена «Цеха поэтов» поэта и переводчика Михаила Зенкевича, хранившего автографы Гумилева и переписывавшего «воронежского Мандельштама» (Сергеев 2013, 372). С ним Ахматова достаточно тесно общалась в эти годы и не один раз пользовалась его памятью ¹³.

Определенные ограничения («не смею вспоминать»), связанные со смертью одного из важных «свидетелей» прошлого, не исключают того, что динамика ахматовской индивидуальной памяти ориентируется на устное или текстуально закрепленное изложение прошлого другими людьми, вернее, членами определенного культурного сообщества, то сужающегося, то расширяющегося по воле автора. Используется некий диалогический режим, с достаточно большим количеством голосов и точек зрения на тот или иной факт, событие или впечатление. Это могли быть:

- свидетельства того же М. Зенкевича, например, по поводу сомнения в авторстве одного из текстов в «Антологии античной глупости». В Записных книжках Ахматовой есть запись – «Принадлежность О. М. Мандельштаму» подтверждает М. Зенкевич» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 2044), в несколько ином виде перенесенная затем в воспоминания (Ахматова 1990, 153) ¹⁴;

- переписка Осипа и Надежды Мандельштам:

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больницы швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.
(Ахматова 1990, 161);

- сторонние документы, имеющие отношение к Мандельштаму. Так, к одной из редакций воспоминаний, датированной 8 июля 1963 г., были приложены тексты писем Мандельштама к Вячеславу

Иванову (Крайнева 2016, 575), дополняющие мемуарный фрагмент о Мандельштаме-символисте, участнике Проакадемии на «башне» мэтра (Ахматова 1990, 154).

Помимо этого (неоднократно) «дезавуируются» воспоминания Георгия Иванова, в частности, в изложении Ахматовой встреч членов «Цеха поэтов»:

Никаких собраний на «Тучке» [комната, которую Н. Гумилев снимал в Тучковом пер. на Васильевском острове] не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем. Описания файфоклока на «Тучке» (Георгий Иванов, «Поэты») выдуманы от первого до последнего слова. Н. В. Н<еодоброво> не переступил порога «Тучки».

(Ахматова 1990, 152–153)

Особый интерес с точки зрения подтверждения/опровержения своих либо чужих свидетельств представляет собой следующий фрагмент:

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 г., кроме изумительных стихов к О. Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени – о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком.

Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность. Но стихи любили (главным образом, молодежь), почти так же, как сейчас, т. е. в 1964 г.

(Ахматова 1990, 157)

Автор сознает, что опора на память, которая хранится в объектах (афишах), проблематична. Конечно, упоминание афиш с именами Блока, Гумилева и Мандельштама можно прочесть и как знак их (поэтов) символического присутствия через отсутствие, и как возрождение имени и творчества Мандельштама, утерянного (как и Гумилев) в сознании становящейся советской культуры 1920-х гг., в иерархии ее ценностей.

С другой стороны, названные мнемотопы (если можно так назвать афиши и «старые петербургские вывески», за которыми ничего, «кроме пыли, мрака и зияющей пустоты», не было) требуют своего прочтения, потому что они создают свои собственные воспоминания о прерванной культурно-исторической последовательности, кричат своими зияниями (лакунами) о своем содержании, требующем места и объяснения в новом пейзаже эпохи, не соглашаясь с позицией руин, мирного и идилично вросших в настоящее.

Разговор о лакунах наводит на размышление о тех пробелах, с которыми мы то и дело сталкиваемся при чтении мемуарной прозы Ахматовой. Особенно часто встречаются ментальные и мнемонические – не столько забытые или

бессознательно вытесненные воспоминания, сколько намеренно табуированные «единицы хранения» в фондах памяти. Так, эпизод совместного чтения Данте (Ахматова прочла вслух явление Беатриче из XXX песни «Чистилища») в 1933 г. сопровождается ремаркой, намекающей на вовлеченность троих персонажей (Ахматовой, Мандельштама и Надежды Яковлевны Мандельштам) в некие эмоционально-психологические взаимоотношения внелитературного плана: «Осип заплакал. Я испугалась – “что такое?” – “Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом”. Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает» (Ахматова 1990, 165. Выделено мной. – Г.М.). То есть отдельные моменты частной жизни героя воспоминаний, связанные с автором мемуаров, элиминируются. С этой точки зрения, интерес представляет сопоставление следующей выдержки из воспоминаний о событиях конца 1917 – начала 1918 гг.:

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений.

После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. Однако тогда все вокруг было так раздрызгано, бесформенно, – кто-то исчезал навсегда, кто-то не навсегда, и всем казалось, что они почему-то на периферии, – конечно, не в теперешнем значении этого слова, – а центра-то и не было (наблюдение Лозинского), – что исчезновение Осипа Эмильевича меня не удивило.

(Ахматова 1990, 160)

с записью П. Н. Лукницкого, сделанной со слов Ахматовой:

Было время, когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. «Он был мне физически неприятен. Я не могла, например, когда он целовал мне руку». Одно время О. М. часто ездил к ней на извозчиках. АА сказала, что нужно меньше ездить, во избежание сплетен. «Если бы всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что он не нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравится, женщина не посчитается ни с какими разговорами. А Мандельштам поверил мне прямо, что это так и есть...».

(Лукницкий 1997. Запись от 27 февраля 1925 г.)

В устном изложении воспоминание об одном и том же эпизоде более подробно и мотивировано, что свидетельствует о его аксиологической значимости для рассказчицы, но при авторской письменной передаче из него исчезает то, что Ахматова позволила себе в устном повествовании в текущей ситуации коммуникации – доверительном общении с Лукницким.

Если же обратиться к очерченным мемуаристкой литературным склонностям Мандельштама, то они, напротив, сопровождаются разного рода уточнениями в авторских комментариях к основному тексту или в отдельных рукописях и редакциях «Листков». Возьмем, к примеру, «блоковскую», «пастернаковскую» и «цветаевскую» темы. Свидетельства: «О стихах говорил ослепительно пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку. О Пастернаке говорил: “Я так много думал о нем, что даже устал” и “Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки”. О Марине: “Я – антицветаевец”» (Ахматова 1990, 151) – дополнены субъективным

полемическим высказыванием: «К Блоку Осип Эмильевич был несправедлив. Он всегда попрекал его “красивостью”» (Ахматова 2016, 475); разъяснение к Цветаевой имеет гипотетическую модальность: «Может быть, оттого, что зарубежная Цветаева осталась ему неизвестной» (там же, 453). Что касается Пастернака, то можно подозревать, что в тесном дружеском кругу «Ахматова – О. и Н. Мандельштам» сложилось единое мнение о равнодушии Пастернака к поэтической работе собратьев по перу (вопрос о том, было ли так на самом деле, требует отдельного разговора). Известна неоднократно высказываемая и зафиксированная современниками обида самой Ахматовой на подобное отношение Пастернака к ее творчеству¹⁵; возможно, поэтому ни в одной из редакций «Листков из дневника» высказывание Мандельштама о Пастернаке никакими разъяснительными «адвокатскими» репликами не сопровождается.

Без подобного учета вставок и корректив, имеющих в различных «вариациях» воспоминаний, нарушается мемуарная мифоборческая стратегия Ахматовой – убежденность в том, что когда личная (индивидуальная) история поэта недоступна, тогда продуцируются мифы. Известно, с какой настойчивостью Ахматова демифологизировала свой образ – литературно-критический (либо мемуарный) текст и поэтический, «вычитываемый» читателями: «... у меня склублился не то двойник, не то оборотень, который мирно прожил в чьем-то представлении все эти десятилетия, не вступая ни в какой контакт со мной, с моей истинной судьбой и т. д.» (Ахматова 2016, 420). То же она делала и в отношении Мандельштама. В одной из черновых редакций записано:

Мандельштам всегда говорил, что у Георгия Иванова мелкий и злобный ум и что Городецкий обладает живостью, которая заменяет ум (1923). Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилев и Мандельштам), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация). Покойный Макридин¹⁶, человек серьезный и порядочный, нахлебавшись этого пойла, с ужасом спросил меня: «Уж не он ли их обоих погубил? – или он совсем сумасшедший».

(Ахматова 1990, 357)

Оттого в «Листках из дневника» нередко встречаются строки такого рода: «Вообще же темы “Мандельштам в Царском Селе” – нет и не должно быть. Это был корм не для него» (Ахматова 2016, 480); «В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель. Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана» (Ахматова 1990, 156). Иной фрагмент сопровождается оценочным умозаключением либо характерным для «Листков» суждением, в подтексте которого диалог с воображаемым читателем, исследователем, оппонентом ее рукописей:

Всех этих дореволюционных дам (боюсь, что, между прочим, и меня) он через много лет назвал «нежными европейками»: И от красавиц тогдашних, от тех европейок нежных,

Сколько я принял смущенья, надсады и горя! Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель и к ее тени... В 1933–34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых.

Ей посвящено, вернее к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), лучшее, на мой взгляд, любовное стихотворение 20 века («Мастерица виноватых взоров...»). <...>

Надеюсь, можно не напоминать, что этот донжуанский список не означает перечня женщин, с которыми Мандельштам был близок.

(Ахматова 2001, 29. Выделено мной. – Г.М.)

Справедливости ради скажем, что подобная позиция не избавила саму Ахматову от (невольного) участия в процессе мифологизации одного из своих современников. Приведем такой эпизод: в записи Ахматовой от 14 октября 1965 г. читаем: «Елена Серг<еевна> просит написать о Булгакове (“хоть страничку”»)» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 677). Отношения между Булгаковым и Ахматовой, познакомившимися в 1933 г., были уважительными, дружескими, но не близкими: они вращались в разных кругах, оберегавших свою культурную автономию и имевших своего адресата. К тому времени Ахматова уже написала эпитафию Булгакову, вошедшую позднее в цикл «Венок мертвым». Эпитафия, на наш взгляд, довольно пафосна. Но, думается, Е. С. Булгаковой в 1960-е гг. требовалась именно такая публичная манифестация в адрес Булгакова. Как пишет, М. О. Чудакова, «в те годы ей нужна была легенда, а не биография <...> – общество требовало и ждало легенды» (Воспоминания о Михаиле Булгакове 1988, 483). Предложенная в 1967 г. к печати рукопись воспоминаний о Булгакове издана не была; в выпущенном в 1988 г. сборнике мемуаров о нем нет ни посвященного ему стихотворения, ни воспоминаний Ахматовой, которые она так и не написала. Но читательское сообщество получило долю **булгаковского мифа** в исполнении Ахматовой: в 1966 г. стихотворение памяти Булгакова было опубликовано в альманахе «День поэзии». В сочетании с публикацией романа «Мастер и Маргарита» (ж-л «Москва», 1966 №11, 1967 №1) и ахматовским стихотворением «Хозяйка» (1946, посвящено Е. С. Булгаковой и опубликовано в кн. «Бег времени», 1965) эпитафия Булгакову становилась **частью легенды**, складывающейся в 1960-е гг., о мастере и его Маргарите – М. А. и Е. С. Булгаковых.

Наше обращение к чете Булгаковых не случайно. Они не один раз упоминаются в «Листках из дневника» как соседи Мандельштамов в доме по Нащокинскому переулку и милосердные участники драматических событий, связанных со ссылкой поэта. В связи с этим интерес представляет один из эпизодов, в котором Ахматова воспроизводит свою реплику в адрес Булгакова при разговоре с Мандельштамом в феврале 1934 г., в котором поэт «обвинял» Ахматову, приглашенную на вечер к Булгаковым, в неизбежности погружения в атмосферу недружелюбной по отношению к нему «московской литературы». «...Булгаков сам изгой», – успокаивает Ахматову рассерженного Мандельштама (Ахматова 1990, 171). Подобная характеристика «соседа» соответствует коннотациям его конфликтных взаимоотношений с социальной и идеологической средой в ахматовской стихотворной

эпитафии Булгакову, но одновременно соотносится с ахматовским мемуарным целеполаганием в отношении образа Мандельштама, когда концептуализируется отверженность и непризнанность поэта (наряду, как и в случае с Булгаковым, с маргинальностью его самоопределения и самосозидания). Здесь процитируем фрагмент воспоминаний, косвенно подтверждающий наше суждение, оставив пока в стороне своеобразное резюме Ахматовой, касающееся «респектабельности» поэтической биографии:

Чудак? Конечно, чудак! Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?»

(Ахматова 1990, 170–171) ¹⁷.

Подытоживая, скажем, что наш беглый обзор созданного Ахматовой «портрета» Мандельштама продемонстрировал необходимость включения в те или иные наши суждения мемуарных деталей и высказываний, разбросанных по разнообразным единицам «генетического досье» задуманных Ахматовой воспоминаний о Мандельштаме. Как писал сам Мандельштам, «...сохранность черновика – закон энергетики произведения. Для того, чтобы прийти к цели, нужно принять и учесть ветер, дующий в иную сторону» (Мандельштам 2009–2011:2, 176).

Как было сказано в начале наших рассуждений, так называемые «Листки из дневника» – воспоминания о Мандельштаме – это публикации ахматовской прозы, в основе которой лежат ее рукописи, авторизованные списки, до конца дней автора пополнявшиеся и редактировавшиеся, рабочие тетради, авторизованная машинопись, прижизненная первопубликация в альманахе *Воздушные пути*. IV (Нью-Йорк, 1965) и пр. В том или ином виде и объеме воспоминания появились в изданиях 1989 г. – юбилейного ахматовского года: тексты в журналах «Вопросы литературы» и «Звезда», опубликованные В. Я. Виленкиным, Л. А. Мандрыкиной (с примечаниями Л. Ильюниной и Ц. Снеговской), в сборнике *Анна Ахматова* (публикация Р. Д. Тименчика), а также в двухтомниках сочинений Ахматовой, выпущенных в 1990 г., составленных, подготовленных и прокомментированных М. М. Кралиным, Э. Г. Герштейн, В. Я. Виленкиным, Л. А. Мандрыкиной, В. А. Черных, Н. Н. Глен. Мы можем говорить о наличии разных вариантов воспоминаний, в которых есть смысловые или стилистические разночтения, разнится местоположение того или иного фрагмента, отдельные эпизоды воспоминаний могут отсутствовать. Текстолог Н. И. Крайнева, к примеру, в качестве условного основного текста предлагает редакцию рукописи июля 1963 г., в которую включает фрагменты из других источников в дополнениях к «Листкам из дневника», а если удастся определить место таковых фрагментов в избранной редакции, то они в угловых скобках вносятся в основной текст (Ахматова 2016). Таким образом, существует проблема канонического, дефинитивного текста ахматовских воспоминаний.

Известна заметка Ахматовой к составленному ею плану книги «Пестрые заметки», над которой она работала в основном с 1957 по 1963 г. Заметка (предположительно осени 1961 г.) гласит, что три части к главе «Современники» – о Мандельштаме, Пастернаке и Блоке – «готовы или полуготовы» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 150). Относительная «готовность» относится лишь к части о Блоке. Другие тексты, которые мы могли бы отнести к мемуарной прозе, «полуготовы», то есть незавершены. Эта особенность ставит под сомнение отнесение «Листков из дневника» Ахматовой к устоявшейся жанровой категории воспоминаний и осложняет анализ и интерпретацию этого текста именно с этой точки зрения. Тем более что Ахматова настаивала на ином жанровом определении «главок» своих «Пестрых заметок» – это новеллы:

О книге, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее. Сначала я хотела писать ее всю, теперь решила вставить несколько кусков из нее в повествование о моей жизни и о судьбах моего поколения. Эта книга задумана давно, и отдельные новеллы известны моим друзьям.

(Ахматова 2016, 424. Выделено мной. – Г.М.)¹⁸

Что она подразумевала, и что выдвигалось на первый план? Беллетризированное сюжетное повествование (рассказ) или необходимость автобиографического нарратора, который ведет повествование от имени определенной социокультурной и исторической группы людей, собственное сходство с которыми неоспоримо, о чем свидетельствует, к примеру, такой набросок в «Листках»:

...У нас у всех троих (у Пастернака, у Мандельштама и у меня) были многолетние перерывы в писании стихов – у Бориса [Пастернака] между «Вторым рождением» и девятью стихотворениями из книги «На ранних поездках» (которые он прочел мне в июне 1941 г.). У Мандельштама – между «Музыкой на вокзале» и У меня – между 1924 г. и 1936 г. («Художнику» – и цикл 36 г.). И что это значит, одному Богу известно.

(Ахматова 2016, 483)

С другой стороны, обращают на себя внимание новеллистические именованья задуманных Ахматовой частей «Современников»: «Разгадка тайны» (о Пастернаке), «Неуслышанный голос» (о Георгии Шенгели), «Невинная жертва» (о Веронике Полонской), «И все-таки победительница» (о Нине Ольшевской), «Нищенка-подруга» (о Надежде Мандельштам), «Отречение от Блока». Новелла о Мандельштаме в записях Ахматовой названа «Смертный путь» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 150. Выделено мной. – Г.М.).

Остановимся на предполагаемом названии, отметив, что оно отражает, во-первых, внутреннюю хронологическую последовательность фрагментов воспоминаний, когда относительно последовательно изложенные узловые моменты биографии Мандельштама служат основой для периодизации и характеристики его наследия с биографической точки зрения, соединяя факты

личной жизни поэта и факты творчества, биографические и поэтические пространства. Выделяется петербургский и московские периоды жизни Мандельштама, крымский и воронежский этапы; в связи с любовными переживаниями Мандельштама в разные годы структурируется его любовная лирика, а изложение драматических событий накануне ареста сопровождается указаниями на его гражданскую лирику. Во-вторых, и это, возможно, более интересно, в отдельных публикациях «Листков из дневника», в дополнениях к основному тексту есть ахматовская ссылка на слова отца, узнавшего об аресте сына: «Когда старик Мандельштам узнал, что Осип арестован, он стал плакать и повторять...: “Ведь он такой нежный” (или: “нежненький мой Ося”）」 (Ахматова 2001, 25). Далее, после цитирования чужой (отцовской) прямой речи, следует одно из ахматовских заявлений своей стратегии (интенции) создания образа, когда от человеческого, слишком человеческого, автор переходит к образу поэта:

Я меньше всего стремлюсь создать М<андельшта>му «респектабельную» биографию. Да она совсем и не нужна ему. Это был человек с душой бродяги в самом высоком смысле этого слова и роёте *maudit par excellence* [проклятый поэт – прежде всего], что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые места. О его иступленной влюбленности в Армению свидетельствует бессмертный цикл стихов.

(Ахматова 2016, 482–483. Выделено мной. – Г.М.)

Что скрывает в себе верленовская характеристика Корбьера, Рембо, Малларме, себя самого – настоящий «проклятый поэт» – в отношении Мандельштама, при том, что Поль Верлен – поэтический образец для самого Мандельштама ¹⁹ ? Скорее всего, то, что Ольга Седакова назвала «враждой Автора и Общества» (Седакова 2010, 149). Предрешенный ²⁰ и ведущий к смерти путь поэта – это путь «жертвы режима» (получившее распространение выражение В. Гюго в отношении Бодлера, судимого за «Цветы зла»), но и движение к своему пределу «несчастливого сознания» ²¹ . В воспоминаниях Ахматовой образ Мандельштама балансирует между деталями, свидетельствующими о незащищенности и сензитивности героя мемуаров («нежное» сердце), и эпизодами, демонстрирующими его твердость, ясный ум, иронию и аналитическое мышление, как бы разворачивая созданный ею «портрет» в сторону сочиненного самим Мандельштамом автопортрета, в котором он соединил «суровость Тютчева – с ребячеством Верлена» (Мандельштам 2009–2011: 1, 266).

Referencias

Ахматова, А. 1990. Листки из дневника (О Мандельштаме). *Сочинения в 2-х т.* / Сост., подготовка текста и примеч. М. М. Кралина. Москва: Изд-во «Правда». Т. 2, 151–174.

- Ахматова, А. 2001. Мандельштам. *Собрание сочинений в 6 т.* / Сост., подгот. текста, коммент., статья С. А. Коваленко. Москва: Эллис Лак 2000. Т. 5, 21–59.
- Ахматова, А. 2016. <О Мандельштаме>. *Малое собрание сочинений.* / Текстология, сост., вступление и примечания Н. Крайневой. Санкт-Петербург: Азбука, 452–486.
- Воспоминания о Михаиле Булгакове* 1988. / Сост. Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес; вступ. ст. В. Я. Лакшина; послесловие М. О. Чудаковой. Москва: Советский писатель.
- Гинзбург, Л. 1991. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний). *Воспоминания об Анне Ахматовой.* / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных; коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 126–141.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)* 1996. / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore.
- Иванов, Вяч. Вс. 1991. Беседы с Анной Ахматовой. *Воспоминания об Анне Ахматовой.* / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных; коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 473–502.
- Коваленко, С. 2001. Проза Анны Ахматовой (Фрагмент и целое). *Ахматова, А. Собрание сочинений в 6 т.* / Сост., подготовка текста, коммент. С. А. Коваленко. Москва: Эллис Лак 2000. Т. 5, 361–410.
- Косиков, Г. К. 1993. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни». *Бодлер, Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер* / Составление, вступит. статья и коммент. Г. К. Косикова. Москва: Высшая школа, 5–40.
- Кралин, М. 2000. Анна Ахматова и Сергей Есенин. *Кралин, М. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках.* Томск: Изд-во «Водолей», 129–153.
- Крайнева, Н. И. 2009. Судьба поэтического наследия Анны Ахматовой: особенности текстологии и проблемы публикации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург.
- Крайнева, Н. 2016. Примечания. *Ахматова, А. Малое собрание сочинений.* / Текстология, сост., вступление и примечания Н. Крайневой. С.-Петербург: Азбука, 574–583.
- Лукницкий, П. Н. 1997. *Asitiana. Встречи с Анной Ахматовой.* Т. 1: 1924–1925 гг. Paris: YMCA- PRESS – Russkii put'. Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/a1_.txt [см. 12 08 2020]
- Мандельштам, Н. Я. 1991. Из воспоминаний. *Воспоминания об Анне Ахматовой.* Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных; коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Москва: Советский писатель, 299–325.
- Мандельштам, О. Э. 2009–2011. *Полное собрание сочинений и писем в 3-х т.* Москва: Прогресс-Плеяда. Т. 1, 2.
- Михайлова, Г. 2017. Ахматова в поле русской литературы 1940–1960-х гг.: прагматика и семантика стихотворных посвящений М. А. и Е. С. Булгаковым. *Literatūra* 59(2), 109–121. <https://doi.org/10.15388/liter.a.2017.2.11061>
- Седакова, О. 2010. *Poetica.* Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

- Сергеев, А. 2013. *Отпѣвис. Роман, рассказы, воспоминания, стихи*. Москва: Новое литературное обозрение, 371–375.
- Тименчик, Р. 2000. Осип Мандельштам в Батуми в 1920 году. *Сохрани мою речь... Альманах Мандельштамовского общества*. Вып. 3/2. Москва: РГГУ, 147–150.
- Тименчик, Р. 2010. Из именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой: Городецкие. *Блоковский сборник XVIII: Россия и Эстония в XX веке. Диалог культур*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 26–50.
- Тименчик, Р. 2012. Из именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой. «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: *Полувековая парадигма поэтики Серебряного века. Сб. научных работ.* / Под ред. Л. Кихней и И. Ерохиной. Москва: Азбуковник, 289–330.
- Тименчик, Р. 2014–2015. *Последний поэт. Ахматова в 1960-е годы*. В 2-х т. Изд. 2-е, исправл и расшир. Москва: Мосты культуры / Гешарим.
- Тименчик, Р. 2015. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма. *Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX: Александр Блок и русская литература Серебряного века*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 152–174.
- Черных, В. А. 2008. *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ИНДРИК.
- Чуковская, Л. 1997. *Записки об Анне Ахматовой*. В 3 т. Изд. 5-е, испр. и допол. Москва: «Согласие».

сноска

- 1 «Далее в целях экономии места воспоминания Ахматовой о Мандельштаме будут именоваться именно так.
- 2 «Отметим уже имеющиеся размышления о соотношении целостности и фрагментарности в прозе Ахматовой (Коваленко 2001, 361–410).
- 3 «Письма, открытки, телеграммы, встречи, телефонные звонки, совместные планы и хлопоты, выходы и поездки. См.: (Черных 2008, 511–515; 529; 536–537; 541; 546; 550; 570–571; 578; 632; 638, 645; 657); (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 105; 230; 258; 260; 320; 329; 416; 427; 432; 433; 438; 476; 499–500; 555; 581; 592; 675; 690; 692).
- 4 «См. исчерпывающую культурную и идеологическую картину тех лет в отдельных главах книги Р. Д. Тименчика (Тименчик 2014–2015).
- 5 «С осени 1962 г. Ахматова начинает набрасывать заметки о Николае Гумилеве, оставшиеся незавершенными. Зимой 1966 г., находясь в больнице, она вернется к мемуарам о Михаиле Лозинском (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 701–705, 713), сокращенный вариант которых был опубликован в альманахе «День поэзии» (1966).
- 6 «Подразумеваем весомость именно ахматовского «слова» о названных персонах, что послужило причиной обращения к ней издателей, литературоведов, друзей, представителей СМИ и пр. В январе 1957 г. И. С. Зильберштейн от имени редакции «Литературного наследства» просил Ахматову прислать воспоминания о Маяковском (Черных 2008, 509); летом 1963 г. подобную просьбу высказывал главный редактор московского «Дня поэзии» М. К. Луконин (Чуковская 1997:3, 58–59); Е. С. Булгакова просила написать воспоминания о Булгакове (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 677), а А. П. Ломан – о Есенине (см.: Кралин 2000). Для Ленинградского телевидения было записаны воспоминания о Блоке (передача от 12. 10. 1965 г., опубликованы в ж-ле «Звезда» в 1967 г.). К концу 1962 – началу 1963 гг. относятся

- ахматовские записи о «двухдневной встрече» с Цветаевой в июне 1941 г. (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 278).
- 7 «В 1961 г. вышел том «Избранное» Цветаевой; в начале 1960-х гг. предполагался выпуск в Большой серии Библиотеки поэта стихотворений Мандельштама (его книга в этой издательской серии вышла только в 1973 г.). Задержка издания Мандельштама компенсировалась вниманием к нему в неподцензурной сфере, чему Ахматова очень радовалась. См.: (Мандельштам 1991, 303).
 - 8 «Например, ахматовские мемуарные свидетельства о Блоке совпали со временем представления читающей аудитории «Записных книжек» Блока, выпущенных в 1965 г.
 - 9 «Отношение Ахматовой к бывшему «вождю акмеизма», а в 1950–1960-е гг. правоверному советскому поэту Г. М. Городецкому выразилось в ее записи 1965 г. об участниках собрания «Цеха поэтов» осенью 1911 г., когда в греческом словаре было найдено слово «акмеизм»: «Из свидетелей этой сцены жив один Зенкевич (Городецкий хуже, чем мертв)» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 612). См. также: (Тименчик 2010). Ср. аналогичную даже с точки зрения лексических единиц характеристику окружения Осипа и Лиلى Бриков: «Взять у Норы [В. В. Полонской] ее мемуары. Т<аким> о<бразом> волей-неволей окажется, что я пишу и о Маяковском и (что хуже) о салоне Бриков» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 150). Среди вставок 1964 г. в «Листки из дневника» числится следующее: «О роли салона Бриков, где Осип и я именовались “внутренними эмигрантами”» и – более развернуто, с соответствующим выводом: «В Москве его [Мандельштама] не только не любили, но, чувствуя его значительность, считали нужным с ним бороться. В так называемом “салоне Бриков” О. М<андельштам> неизменно именовался “внутренним эмигрантом”, что не могло не отразиться на дальнейшей судьбе поэта» (там же, 465, 468).
 - 10 «Разнообразные свидетельства энергичной негативной реакции Ахматовой на мемуары «Петербургские зимы» и иные выступления Г. В. Иванова, поэта-эмигранта, некогда участника трех «Цехов поэтов», представлены в книге Р. Д. Тименчика (Тименчик 2014–2015:1, 259, 461; Тименчик 2014–2015:2, 364, 592).
 - 11 «Для «Седьмой книги» («Бег времени») Ахматова составила цикл «Венок мертвым» из стихотворений, написанных в разное время и посвященных памяти Анненского, Булгакова, Пильняка, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Зощенко, Гумилева. По цензурным причинам в книге, изданной в 1965 г., цикл опубликован не был.
 - 12 «К примеру, заметки о Цветаевой были опубликованы в 1982 г., о Гумилеве («Самый непрочитанный поэт») – в 1989 г.
 - 13 «См. выше сноску 9.
 - 14 «Более того, Ахматова получила согласие Зенкевича на то, что параллельно ее воспоминаниям он начнет работу над своими мемуарами, в которых очертит, в частности, контакты Мандельштама с группой «Гилея» (см. об этом: Тименчик 2015, 155).
 - 15 «Л. Я. Гинзбург вспоминает, как Ахматова говорила: «Борис читал Рильке, но не своих сверстников. Мои стихи он никогда не читал». В доказательство этого утверждения она приводила восторги Пастернака в письме от 28 июля 1940 г. по поводу строк из ее стихов 1912 г. (Гинзбург 1991, 139). Аналогично в заметках Вяч. Вс. Иванова о лете 1959 г. рассказывается, как Ахматова обижалась на хвалы, воздаваемые Пастернаком стихам сорокалетней давности. Комментируя эти обиды, Иванов пишет, что Пастернак знал и даже читал наизусть раннюю Ахматову и что ее, скорее всего, волновало, «читает ли он последующие сборники и как оценивает ее попытки “перепастерначить” его» (Иванов 1991, 480).
 - 16 «См. о нем: (Тименчик 2000, 147–150).

- 17 «Ср. с заметкой в Записных книжках, предположительно относящейся к весне 1963 г.: «Конечно, самое простое отмахнуться от Мандельштама, назвав его чудаком, и в этом будет какая-то доля правды, но разве это объясняет такого большого поэта и сложного человека» (Записные книжки Анны Ахматовой 1996, 311).
- 18 «Ср. рассуждения С. А. Коваленко: «Созданные ею литературные портреты Ахматова, очень внимательная к развитию жанровых структур, называла “новеллами”, а свою ненаписанную книгу – “автобиографической прозой” – не романом, не повестью, но книгой, главы – новеллами. Ее привлекал жанр новеллы, литературной формы, трудно поддающейся определению и тем не менее развивающейся по своим законам, то отождествляясь с рассказом, то обособляясь как особый художественный мир сюжетостроения. <...> Ее художественным открытием стала новелла, построенная на материале биографии, “портрета”, включенного в поток истории, с обязательным присутствием повествователя, равного по своей значимости герою произведения» (Коваленко 2001, 374–375).
- 19 «См., к примеру: (Мандельштам 2009–2010:2, 175).
- 20 «Ср. в стихотворении Мандельштама 1916 г.: «В Петрополе прозрачном мы умрем, / Где властвует над нами Прозерпина. / Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, / И каждый час нам смертная година» (Мандельштам 2009–2010:1, 92).
- 21 «Здесь используем ту характеристику, которую, отталкиваясь от Гегеля, дает Г. К. Косиков личности еще одного «проклятого поэта» – Шарля Бодлера (Косиков 1993, 5).